

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Красин

Демократия в России: коридор возможностей

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Demokratiya_v_Rossii.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: КОРИДОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ*

Два десятилетия российской реформации убедительно доказывают, что становление демократии в России — длительный и трудный процесс. Радужная эйфория первых лет перестройки в 80-е годы, сменилась в 90-е разочарованием результатами либеральных реформ, а вступление в новое тысячелетие ознаменовалось алармистскими настроениями и даже прямой апологетикой авторитарных методов политического управления.

Казалось бы, Конституция РФ, несмотря на острые политические столкновения между радикалами и консерваторами, закрепила основные черты либеральной модели демократии: права личности, гражданские и политические свободы, разделение властей, свободные выборы органов власти, федерализм, многопартийность, местное самоуправление и т.д. Но оказалось, что в российских условиях эта модель не работает так, как по всем канонам она должна была бы работать. Принцип разделения властей, по сути, подменен гегемонией исполнительных органов, подчиненных главе государства. Парламент фактически лишен реальных рычагов власти и контрольных функций. Политические партии не имеют глубоких корней в обществе и лишены эффективных каналов влияния на публичную политику. Средства массовой информации в большинстве своем оказались под колпаком олигархических групп и государственной бюрократии и используются ими как орудия манипулирования общественным мнением. Свободные выборы деформированы под прессом коррупции и административного ресурса. Права человека и гражданина попираются на каждом шагу, в том числе и самим государством. Словом, политическая система нынешней России амбивалентна и представляет собой странный антиномичный симбиоз демократии и авторитаризма, ограничивающий возможности демократического развития и затрудняющий политическое самоопределение страны¹.

Злоключения либеральной модели демократии в России во многом объясняются ее имитационным характером. Радикально настроенные либералы попытались инкрустировать в российскую реальность нормативные установки западной либеральной модели, сложившейся на протяжении длительного исторического периода в совершенно иной со-

---

* Статья написана на основе материалов исследований по проекту, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом (№ 04-03-00057а).

¹ Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. Полис. 2003. № 1, с. 124-133.

циокультурной среде. Российская действительность, как это не раз бывало в прошлом, отторгла имитационную модель. Можно обижаться на столь досадно неприятную действительность и видеть в этом показатель «вырождения российской демократии»². Но вряд ли эта морально-политическая оценка повлияет на логику политического развития российского общества или даже просто поможет лучше ее понять. Не правильнее ли скорректировать саму постановку вопроса о демократии в России? Для этого следовало бы переместить центр тяжести с нормативно-ценностного подхода на конкретно-исторический: не столько накладывать нормативный образец демократии на реальность, сколько проводить конкретный анализ российских реалий. Это позволило бы выяснить, какие формы и способы народовластия, участия граждан в политическом процессе возможны в России, в какой мере и как общество готово противостоять групповому эгоизму, отстаивать общее благо, контролировать действия власти, влиять на публичную политику.

Определение коридора реальных политических возможностей — это главное для понимания состояния, проблем и перспектив российской демократии. Коридор возможностей для России, который определяется собственным историческим опытом, традициями, образом жизни, особенностями политической культуры и менталитета, задает направленность поиску адекватной модели демократического развития. При этом речь идет не просто о неких национальных ограничителях в реализации единой нормативной модели либеральной демократии, как иногда толкуют эту проблему либеральные теоретики, рассуждая о «недоразвитости» России и многих других стран мира для демократии. Речь идет о различиях, которые в той или иной степени формируют само содержание складывающейся здесь модели политического управления.

Сразу оговоримся, что поиск своего пути и своей модели демократии не равнозначен замыканию в собственной скорлупе. Да это и невозможно в эпоху глобализации. Опыт поиска других обществ, прежде всего стран продвинутой демократии, очень важен, его необходимо изучать и осваивать. Но для успеха демократии в своей стране приоритет должен быть отдан анализу собственного коридора возможностей и релевантных способов их реализации.

В свете сказанного обратимся к рассмотрению чрезвычайно актуальной для России проблемы взаимоотношений демократии и авторитаризма. Явное усиление авторитарных тенденций в политической жизни российского общества ставит эту проблему в центр политологических дебатов. В дискуссиях и в прессе все чаще говорится об авторитарном «откате». В какой мере эта оценка отражает нынешнюю рос-

² Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката. Pro et Contra. 2004. Т.8. № 3, с. 36.

сийскую ситуацию? Прежде чем ответить на поставленный вопрос, оценим общее состояние развития демократии в сегодняшнем мире.

В условиях глобализации демократия как способ политического управления обществом встречается с беспрецедентными вызовами, ставящими под вопрос некоторые ее существенные характеристики. Не случайно эта тема стала лейтмотивом на двух последних конгрессах Международной ассоциации политических наук (МАПН). На 18 конгрессе (2000, Квебек, Канада) в центре дискуссии оказался вопрос о корпоративном вызове демократии. «Мировой капитализм, управление и сообщество: к корпоративному тысячелетию?» — так называлась общая тема конгресса. В выступлениях отмечалось, что во многом демократия не согласуется с наметившимися тенденциями общественно-го развития и нуждается в переосмыслении своего содержания и адаптации к новым реальностям. На 19 конгрессе (2003, Дурбан, ЮАР), посвященном теме «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы политическому развитию», горячие споры развернулись вокруг итогов так называемой «третьей волны» демократизации. По общему признанию демократизация натолкнулась на непредвиденные препятствия. Вопреки многообещающим надеждам 70-х—80-х годов демократические преобразования в большинстве стран «третьей волны» не привели к сколько-нибудь существенным сдвигам в решении острых социальных проблем. Вследствие этого происходит отторжение демократии населением этих стран. Некоторые представляющие их политологи прямо говорили, что решение социальных проблем для них важнее соблюдения принципов и норм либеральной демократии.

Критический настрой по отношению к нынешнему состоянию демократии настолько высок, что решено предстоящий в 2006 году 20-й конгресс МАПН посвятить теме: «Работает ли демократия?». Комментируя выбор темы, председатель Программной комиссии МАПН И.Галлиген пишет: «Функциональные перемены и новые явления в политических отношениях на всех уровнях и во всех частях мира дали импульс глубокой переоценке демократии». В частности, необходимо ответить на вопрос: «Способны ли демократические институты адаптироваться к глобализующемуся контексту, сохраняя легитимность у себя дома»³.

Серьезные вызовы, с которыми сталкивается демократия в современном мире, скорее всего, потребуют весьма кардинальных изменений политического управления и в национальных рамках, и в глобальном измерении. Новизна и многообразие происходящих в мире перемен столь значительны, что даже в странах с давними демократическими традициями исторически сложившиеся формы либеральной де-

³ Participation. Winter 2004. Vol.28. N 1, p. 20-21.

мократии нередко дают сбой под давлением новых реальностей. Ведется интенсивный поиск более адекватных форм: демократии участия, новых типов прямой демократии, защитной демократии (*advocacy democracy*), коммуникативной демократии. Используется даже понятие «иллиберальной демократии»⁴.

Еще острее ситуация в развивающихся странах. Авторы подготовленного в ИМЭМО РАН фундаментального труда по глобализации характеризуют ее следующими словами: «Институты либеральной демократии во многих регионах либо рассматриваются как чуждые, заимствованные образцы, либо воспринимаются поверхностно, чисто формально. Результатом часто является скорее имитация демократии, выливающаяся в фактическую маскировку авторитарных или олигархических режимов»⁵.

Можно оспаривать те или иные выводы и оценки, но нельзя не видеть, что они отражают глубокий кризис, который переживают нынешние формы демократического управления. Глобализация и переход к инновационному типу развития, глубокий качественный сдвиг в жизнедеятельности, структурах, механизмах функционирования и эволюции современного общества явно подталкивают к масштабному прорыву в способах политического управления, выходящему за пределы просто «дальнейшего развития» традиционных форм демократии.

Концептуальное переосмысление демократии стимулируется и международными процессами, не укладывающимися в русло существующих ныне унифицированных либеральных представлений. Ничто пока не подтверждает заключений о том, что рано или поздно все страны примут либеральные ценности в том виде, как они сформировались в западном мире. Весьма прозорливой представляется высказанная М.Я. Гефтером идея о «схватке разнонаправленных развитий», которые не растворяются в «едином мире», а создают перманентный «мир миров», некую взаимозависимую целостность различий — «равноразность»⁶. Российский историк призывал отказаться «от единства, по отношению к которому различия способны быть лишь версиями или вариантами». Единство, в его понимании, — это «совместность несовпадающих векторов развития». «Мир и есть (будет?) МИРОМ МИРОВ, каждый из которых и сам по себе, и проекция искомого мирового сообщества; каждый из которых заинтересован в том, чтобы другие не были похожи на него, сохранили и обогатили свою непохожесть». Поэтому-то на смену «окончательному решению» при-

⁴ Zakaria F. *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. N.Y., 2004.

⁵ Глобализация и Россия. Проблемы демократического развития. М.: Русское слово, 2004. С. 38.

⁶ Гефтер М. Мир миров: российский зачин // *Иное. Россия как идея*. М., 1995. С. 115.

дет «НЕОКОНЧАТЕЛЬНОСТЬ МИРОУСТРОЙСТВА как способ ужиться всем вместе на Земле»⁷.

Вряд ли правомерно считать, что новый мировой порядок, т.е. система принципов и норм функционирования и соразвития этой синтетической «целостности в многообразии», вырастет из представлений и практики только одного «мира», пусть даже самого продвинутого; практикам же других «миров» история отведет преходящие роли «атавизмов» и «отклонений».

Продвижение к демократии в гетерогенном глобальном пространстве не может быть простым и быстрым. Мировое сообщество находится лишь в его начальной стадии, когда в мировой политике доминируют веками утвердившиеся силовые противостояния и авторитарные устремления. Американский политолог Бенджамен Барбер в свое время исследовал противостояние на мировой арене двух взаимосвязанных антагонистических тенденций. Одна из них — глобальная маркетизация мира корпоративным капиталом. По ассоциации с фирмой «Макинтош» он назвал ее «Макмиром». Другая тенденция, именуемая «Джихадом», — протестное движение за сохранение национально-культурной и цивилизационной идентичности развивающихся стран. Обе тенденции, как утверждает ученый, по сути своей, антидемократичны, взаимно враждебны и индуцируют одна другую⁸.

В недавно вышедшей новой книге Б. Барбер показывает, что «Джихад» после трагедии 11 сентября 2001 г. обернулся глобальной угрозой международного терроризма, адекватный ответ на которую не найден, и его нельзя найти в гегемонистской логике «Макмира». «Демократизировать нации, вышедшие из деспотизма, — пишет автор, — и поставить анархический глобальный беспорядок в рамки инфраструктуры публичного права и гражданской кооперации невозможно просто экспортом капитализма»⁹. Предостерегая западные державы против нагнетания противостояния, автор отмечает, что нельзя экспортировать «Макмир» и называть это демократией, точно так же, как нельзя экспортировать Америку и называть это свободой. «Демократии вырастают изнутри и снизу, а не извне и сверху. В этом одна из причин того, что демократизация требует много времени. Это также свидетельствует о том, что целью тех, кто стремится к демократическому миру, не должна быть «демократия» в единственном числе по американской или какой-либо другой модели, а «демократии» во множественном числе»¹⁰.

⁷ Там же, с. 90-91, 93.

⁸ Barber B. Jihad vs. Macworld. N.Y. 1995.

⁹ Barber B. Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy. N.Y. 2003, p. 168.

¹⁰ Ibid., p. 176.

Подход американского политолога схож с позицией М. Гефтера: различия касаются не просто вариаций демократии, а формируют ее содержание. Поэтому демократический мировой порядок может возникнуть лишь на основе «равноразличий» многих моделей демократии.

Вернемся, однако, к авторитарному «откату». Выше уже отмечалось, что российский путь становления демократии не может быть быстрым и прямолинейным. На нем неизбежны паузы, повороты, зигзаги и откаты. По многим признакам в настоящее время мы переживаем стадию «отката». Но принципиально важно видеть, что начался он не сейчас, а в 90-е годы, когда российскому обществу был навязан радикально-либеральный политический курс. Сегодня в апологетических целях нам пытаются представить искаженную ретроспективу демократических преобразований. Точкой отсчета демократической реформации провозглашается декабрь 1991 г., т.е. приход к власти радикал-либералов и начало гайдаровского либертарного эксперимента. На деле решающим «прорывом» к демократии стала горбачевская перестройка. Она обеспечила главное демократическое завоевание — гласность. Общество заговорило о наболевших проблемах, а, заговорив, стало размышлять и включаться в публичную политику. Возникла институциональная структура демократии — парламент. Начался быстрый процесс формирования гражданского общества. Конечно, нарождающаяся демократия была отягощена цепким наследием авторитаризма. Но главное — именно тогда был дан мощный импульс демократическим переменам, пробудившим массовый энтузиазм общественной самодеятельности.

А потом последовал «откат», вызванный непримиримой конфронтацией между консерваторами, не желавшими никаких реформ и пытавшимися любыми средствами вернуться в лоно авторитарного режима, и радикалами, страдавшими синдромом либерального нетерпения и стремившимися использовать момент для того, чтобы получить все и сразу, опять-таки не считаясь со средствами. В противовес перестройке, радикально-либеральная политика 90-х годов проводилась антидемократическими мерами. Авторитарный способ осуществления реформ, расстрел парламента в 1993 году, президентские выборы 1996 года, — целая череда грубых нарушений правовых и нравственных норм.

Радикально-либеральная политика, проводимая вне демократических институтов и процедур, попиравшая интересы большинства граждан, не могла не подорвать еще не укоренившиеся ростки демократии. «Верхушечные игры» правящей элиты погасили волну массового подъема снизу и открыли путь к установлению в стране олигархического правления. Тем демократам, которые по наивности или из карьерных соображений поддержали этот курс, а сегодня, сталкиваясь с последствиями «отката», стелают о потерянных надеждах, мож-

но напомнить слова мольеровского героя: «Ты сам этого хотел, Жорж Данден».

Если в политике «перестройки» при всех ее слабостях и ошибках объективно преобладала ориентация на эволюционную трансформацию государственности, что создавало предпосылки для консолидации расколотого общества, то острое радикально-либерального курса в конфронтационном духе («большевизм наизнанку») было направлено на «слом» государства, что, по сути, закрывало дорогу консолидации и эволюционному развитию демократии.

В начале 90-х годов американский социолог Адам Пшеверски, проанализировав опыт перехода от авторитаризма к демократии в странах Латинской Америки и Восточной Европы, показал, что решающее значение в обеспечении успеха перехода принадлежит государственным институтам как центрам достижения согласия противоборствующих сил. «Проблема установления демократии состоит в следующем: согласятся ли политические акторы с рамками демократических институтов, которые будут обязывать их к согласию?»¹¹. В решении этой проблемы реформаторов подстерегает ловушка «авторитарного соблазна», сбивающая их с трудного и долгого пути формирования системы институтов согласия как «равновесия транзита» на путь конфронтации, подрывающей саму возможность демократии. «Рокот несогласных голосов, задержки, вызванные необходимостью соблюдать процедуры, кажущаяся иррациональность конфликтов неизбежно порождают нетерпение и нетерпимость среди сторонников реформ»¹².

В российских условиях, где конфронтационная политическая культура глубоко укоренена в социокультурной почве, либеральные реформаторы в 90-е годы легко попали в эту ловушку. Приватизация государственной собственности сопровождалась разрушением рычагов и механизмов государственного регулирования общественной жизни в разных сферах и на разных уровнях, что неизбежно стимулировало рост анархических тенденций, беззакония и криминального произвола. В океане разбуженной стихии частного и группового эгоизма государство утратило способность отстаивать общенациональные интересы, и само стало объектом своеобразной приватизации со стороны наиболее мощных олигархических групп и государственной бюрократии.

В этом ракурсе политика нынешней власти на укрепление управленческой вертикали или развитие «управляемой демократии» видится как некая альтернатива полному распаду государства. В ней находят выражение реальные потребности развития российского общества.

¹¹ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y. 1991, p. 39.

¹² Ibid., p. 189.

Потеря управляемости привела бы страну к полному хаосу. Даже такой далеко не симпатизирующий России аналитик, как З. Бжезинский, признает: «Восстановление в определенных границах того, что можно было бы назвать «законом и порядком», требует в России ограничений некоторых аспектов классической свободы, установившейся на волне крушения советской системы»¹³.

Можно сказать, что в какой-то мере нынешний курс на усиление государственности носит императивный характер. Вопрос в том, как этот курс скажется на судьбе демократии. В российском обществе с его глубокими автократическими традициями «усиление государственности» чрезвычайно трудно отделить от «усиления авторитаризма». Во всяком случае, в настоящее время по мере укрепления вертикали власти все острее ощущается потребность в мерах, ограждающих общество и граждан от произвола властных органов. Как ни тонка грань между сильной государственностью и авторитаризмом, она существует. Сильная вертикаль власти неравнозначна иерархическому администрированию. На основе изучения электорального процесса в российском обществе Ю. Левада приходит к заключению, что один из основных результатов укрепления вертикали власти — «фактическая *деполитизация политического пространства* в стране. Административный стиль правления и соответствующий ему аппарат распределяет материальные и властные ресурсы, а не отстаивает какие-либо идеи». С этой точки зрения деполитизация власти означает «переход от политических к административно-технологическим методам управления»¹⁴.

В принципе в условиях демократии вертикаль власти должна быть дополнена системой сдержек и противовесов, как в самой власти, так и в гражданском обществе. При нынешнем состоянии российского общества, продолжающего пока движение по колее «отката», трудно ожидать быстрого решения столь сложной и долговременной задачи. Однако после неудачи радикально-либеральной «кавалерийской атаки» на авторитаризм существует возможность постепенно войти в коридор реальных политических возможностей российской действительности и продвигаться по нему к более полноценной демократии, хотя и медленно, но зато без резких откатов и отступлений.

В 1997 г. американский социолог Дэниел Белл опубликовал статью о системе политического управления в Сингапуре¹⁵. Для обозначения этой системы автор использует понятие «мягкий авторитаризм», вве-

¹³ Brzezinski Z. The Privacy of History and Culture // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. N 4. P. 21.

¹⁴ Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 2. С. 11-12.

¹⁵ Bell D. A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore // Political Theory. 1997. Vol. 25. N 1.

денное в оборот немецким социологом Ральфом Дарендорфом¹⁶. Сложившаяся в Сингапуре форма авторитаризма характеризуется четким разделением между публичной политикой, которую определяет правящая верхушка, и частной сферой, в которой граждане могут свободно заниматься своим делом, в том числе предпринимательством. Заключен своего рода негласный общественный контракт о взаимном невмешательстве: полная свобода частной деятельности и в то же время авторитарное формирование и осуществление внутренней и внешней политики. Опираясь на этот пример, Д. Белл делает вывод, что западным политикам вряд ли удастся легко и быстро совершить «вестернизацию» остального мира и утвердить там модель либеральной демократии, так как условиям развивающихся стран соответствуют иные модели политического управления.

Американский социолог, не делая категорических выводов, подводит читателя к заключению о том, что, по-видимому, для стран с неразвитым гражданским обществом, со слабым накоплением энергии общественной самодеятельности, модель либеральной демократии не подходит. Для таких условий более адекватна форма политического управления по модели «мягкого авторитаризма». К ней можно относиться по-разному, но она отвечает существующим там реальностям и поэтому укоренена в национальной почве. О стабильности этой модели свидетельствует последующий ход социально-экономического и политического развития. Исследуя эволюцию системы в последние годы, профессор Национального университета Сингапура Шамсул Хэк отмечает: «... В ответ на различные внутренние и внешние давления в Сингапуре произошли большие изменения в публичном секторе. Необходимо, однако, подчеркнуть: в то время как экономическая сфера государства развития (developmental state) прошла через определенные рыночные реформы, его политическая сфера едва ли изменилась, если иметь в виду большее участие оппозиционных партий и групп гражданского общества в политических решениях»¹⁷.

Для расширения коридора политических возможностей требуется длительный период времени, необходимый для формирования мас-

---

¹⁶ Р. Дарендорф характеризует модель «мягкого авторитаризма» следующим образом: «Законопослушным гражданам, которые усердно заняты своими собственными делами, а в остальном ведут спокойную частную жизнь, нечего опасаться гнева своих лидеров... Но те, кто критикует правительство за его неподконтрольные действия, кто использует свободу слова для разоблачения nepoтизма, кто осмеливается выдвигать альтернативных кандидатов на выборах — все эти люди в опасности» (Dahrendorf R. Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty? // *The Responsive Community* 5. 1995. N 3. P. 29-30).

¹⁷ Haque Sh. Governance and Bureaucracy in Singapore: Contemporary Reforms and Implications // *International Political Science Review*, 2004. Vol 25. N 2. P. 230.

совой демократической культуры и устойчивых структур гражданского общества.

Думается, что и в России складывается своеобразная модель «мягкого авторитаризма». В 1998–2000 годах в «Горбачев-Фонде» под руководством Георгия Шахназарова было проведено исследование по проекту о политическом самоопределении России. Анализируя сценарии возможного политического развития страны, авторы пришли к выводу: наиболее вероятен вариант «мягкого авторитаризма». Он в наибольшей степени отвечает историческому опыту и традициям страны, политической обстановке в современном российском обществе. Само общество, уставшее от анархии и беспорядка, готово принять эту форму правления. Она способствует консолидации политической элиты, создает условия для возрождения государственности, столь необходимой для выживания и развития России как независимой страны¹⁸.

В то время этот вывод встретил много возражений. Однако сейчас можно сказать, что прогноз оправдался. Нравится это нам или нет, именно такая модель обозначает тот коридор возможностей, по которому, скорее всего, будет двигаться российское общество в ближайшей и, возможно, в среднесрочной перспективе. Движение по этому коридору отнюдь не означает, что «мягкий авторитаризм» представляет собой некую форму «просвещенной автократии», которая создает недостающие социокультурные предпосылки для торжества демократии. Пока что в действиях власти преобладает тяга к ужесточению авторитарных методов управления, а правящая элита демонстрирует такие качества, которые свидетельствуют, что она не может и не хочет выполнять просветительскую функцию в сфере публичной политики. Путь дальнейшего развития от «мягкого авторитаризма» не предопределен: он может повести и к демократии, и к жесткому авторитаризму. Исход зависит от расклада общественно-политических сил и их взаимодействия. Коридор возможностей лишь очерчивает границы реального политического поля и тех задач, которые могут на нем решаться.

Обращаясь вновь к опыту Сингапура, можно констатировать, что рамки политических возможностей все же обладают известной степенью эластичности. Указывая на консерватизм политической модели «мягкого авторитаризма», и ее неподатливость изменениям, Ш. Хэк тем не менее отмечает, что под давлением новых потребностей и публичных требований в Сингапуре появился «более «консультативный» стиль управления»¹⁹.

¹⁸ Самоопределение России. Доклад по итогам исследования «Россия в формирующейся глобальной системе», проведенного Центром глобальных программ Горбачев-Фонда в 1998–2000 гг. Труды Фонда Горбачева. М., 2000. Т. 5. С. 435.

¹⁹ Haque Sh. Governance and Bureaucracy..., p. 234.

Возникнув на «откатной» волне реформации, российская модель «полуавторитарной демократии» также сохраняет коридор возможностей для противодействия авторитарным тенденциям и демократической эволюции общества и государства. *Во-первых*, политическое развитие России происходит в глобализирующемся мире. Это ограничивает возможности государственного контроля за информационными и культурными потоками и подрывает «монополию на истину» как одного из важнейших устоев авторитаризма. *Во-вторых*, внедрение инновационного типа развития порождает работника с широким кругозором, тяготеющего к демократическим порядкам и либеральным ценностям. *В-третьих*, несмотря на общую слабость российского гражданского общества, сохранились его устойчивые очаги, которые могут стать базой мобилизации демократических сил, их активного участия в публичных дебатах, способных оказывать влияние на формирование публичной политики. *В-четвертых*, со времен перестройки в России, несмотря на авторитарные препоны, сохранилась публичная сфера — общенациональный форум публичной дискуссии. Значит, существуют предпосылки для того, чтобы общество размышляло о своем политическом развитии.

Таким образом, каким бы узким ни казался коридор политических возможностей нынешнего российского общества, в нем есть действующие и особенно потенциальные ресурсы для того, чтобы двигаться от «управляемой демократии» к демократии современной, «делиберативной» (размышляющей, рефлексивной), при которой граждане сознательно участвуют в формировании публичной политики. Мобилизация этих ресурсов будет во многом зависеть от того, как будут складываться отношения между либеральным движением и демократией.

Либерализация российского общества, где личностное начало было и остается подавленным, неразвитым, безусловно, необходима. Без нее успешная модернизация России и развитие страны по демократическому пути просто не состоятся. Однако в 90-е годы либеральное движение оказалось в плену радикально-авторитарного радикализма и разошлось с демократией. Парадокс нынешней ситуации в том, что это наследие до сих пор остается главным препятствием либерализации российского общества. Нельзя восстановить союз либерализма с демократией и поднять авторитет либеральных ценностей в глазах населения, проводя политику либерального высокомерия и пытаясь «прокрутить» новый тур реформ «без диалога с обществом». Либерализм может обрести массовое признание и поддержку, только освободившись от тяжких гирь либертарной практики 90-х годов. В противном случае он будет все больше расходиться с демократией, генерируя авторитарную политику либеральных реформ давлением сверху и воздвигая новые барьеры на пути демократизации общества.

Выводы некоторых социологов о поддержке большинством населения России либеральных ценностей и либеральной политики не подтверждаются ни результатами парламентских выборов, ни данными серьезных социологических опросов. По данным Аналитического центра Юрия Левады, с марта 1992 г. по май 2004 г. доля населения, поддерживающего реформы, колебалась в границах от 25 до 40% (за исключением первых двух лет), число противников — между 20 и 30%; от 25 до 45% — не определились в своих позициях. Принимая во внимание, что среди сторонников реформ, по крайней мере, половина придерживается их социал-демократического толкования, можно считать, что либеральный курс реформ твердо поддерживает не более 20% населения²⁰.

Это значит, что демократическая либерализация российского общества требует не только очищения либеральной политики от радикальных наслоений 90-х годов, но и расширения базы ее массовой поддержки.

Для России характерна глубоко укорененная коммунитарная традиция, требующая тесной увязки демократии с решением социальных проблем общества. Вряд ли либеральная составляющая политического развития общества может здесь обойтись без взаимодействия с коммунитарной составляющей, особенно в сфере социальной политики. Ясно, что приобщение России к постиндустриальному сообществу предполагает раскрепощение личности, формирование работника нового, инновационного типа, обладающего возможностью свободного выбора и способного его сделать. Однако сомнительно, можно ли добиться решения этой задачи в России по модели либерального индивидуализма. Пока что, как мы видим, «свобода личности» вылилась в разрушение солидарных связей и рост частного и корпоративного эгоизма.

Нужна другая модель *демократической* либерализации. Недостаточно просто скорректировать либеральную политику в коммунитарном духе. Либеральное и коммунитарное течения самостоятельны, как самостоятельны и вдохновляющие их идеи «свободы» и «равенства». Парадигма либерализма, связывающая его с демократией, — свобода личности. Коммунитарная парадигма — социальное равенство. Не может быть устойчивой демократии без подвижного баланса этих двух начал. Свобода — это великая идея. Но не менее велики и значимы идеи равенства и солидарности. У каждого из стоящих за этими идеями течения есть своя история, свои традиции, свое видение перспектив развития общества, свои подходы и приоритеты в политике. Во всяком случае, в России тесное взаимодействие либеральной и коммунитар-

²⁰ Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 5.

ной компонент в политической стратегии могло бы стать эффективным рычагом решения острых социальных проблем²¹.

Либеральная составляющая социальной политики, не сбалансированная коммуитарной, в лучшем случае выражает интересы преуспевающей части российских граждан. Альтернативная стратегическая концепция, принимающая в расчет требования обеих составляющих, направлена на то, чтобы плоды экономического возрождения достались всем гражданам.

Либеральный «подвой» без коммуитарного «привоя» безразличен к социальным потребностям общества, к растущему разрыву в условиях существования «верхов» и «низов». Коммуитарная «прививка» способна поставить эти потребности во главу угла проводимых реформ. Тогда государство станет действительно социальным. Забота об общем благе станет для него решающим условием успешного экономического развития, и что не менее важно, предпосылкой стабильности общества, а, следовательно, его жизнедеятельности и благополучия. Чтобы обеспечить подобное развитие, либеральному принципу частной инициативы и предприимчивости необходим противовес в виде коммуитарного принципа социальной ответственности всех граждан и государства перед обществом. Когда такой противовес отсутствует, либеральный принцип превращается в либертарно-манчестерский: каждый живет, спасается и тонет в одиночку.

Готова ли нынешняя власть к сбалансированной экономической и социальной политике, сочетающей публичные и частные начала, или она будет продолжать двигаться по инерции, набранной в 90-е годы? Складывается впечатление, что она склоняется к либеральной модели экономической и социальной политики, не уравновешенной достаточным вниманием к публичным началам. Вместе с тем, все больше симптомов того, что общество не удовлетворено такой политикой. Устоит ли в этих условиях «управляемая демократия» перед «авторитарным соблазном» осуществить модернизацию России сверху либерально-автократическими методами?

По сути дела, это вопрос о выборе направления движения в нынешнем коридоре возможностей: движение вспять и новый исторический зигзаг или эволюционное развитие к демократии.

²¹ См. А. Галкин, Ю. Красин. Россия: Quo Vadis. М., 2003. С. 267-270.